

Т.П. Буслакова

«Не жалею, не зову, не плачу...» (1921)

Тема осени, трагические размышления о конце жизни оказываются на первом плане в целом ряде стихотворений Есенина 1920-х годов.

«Не жалею, не зову, не плачу...» — одно из первых стихотворений в лирике Есенина, в котором проявляется близость его позиции с пушкинским приятием движения жизни как «общего закона» бытия («...Вновь я посетил...», 1835).

Лирический герой есенинского стихотворения переломный момент своей жизни («...Я не буду больше молодым») воспринимает как смену времен года, восхода и заката солнца. Юность ассоциируется с «гулкой ранью», «розовым конем» зари, пробуждением «пламени», биения жизни. В то же время это весеннее цветение, «свежесть», «буйство», «половодье», сменяющиеся «увяданьем», «холодком», отказом от «желаний», ощущением «тленности», потерями и ожиданием смерти. Очарование жизни — это «дым», сон, который лирический герой воспринимает уже «приснившимся». Пробуждение от него знаменует пору зрелости, время подведения итогов.

Параллелизм человеческого и природного миров необычен. Есенинские метафоры строятся на их взаимопроникновении. Подобно осеннему лесу, герой чувствует себя «Увяданья золотом охваченным», его сердце, как земля в заморозки, тронута «холодком», «половодье чувств» схлынуло, и замолкли звуки его певчих «уст». Признание лирического героя («Не жалею, не зову, не плачу...») совершается не только от его имени. Его устами говорит природа, не жалеющая о белом цвете яблонь, летнем «буйстве» березовой рощи, опадающей «с кленов» листве, не зовущая вернуть то, что «пройдет», не плачущая о тленности мира. «Общий закон» един для «всего» и «всех», он исполняется «тихо», неумолимо, «вовек» неизменно. И если для природы смена времен года — это надежда на будущую весну, то для лирического героя, сравнивающего себя с цветком, листом, а не со всем мирозданьем, каждая пора жизни единственная.

Оттого вывод предстает особенно глубоким и значимым для характеристики его внутреннего мира:

Будь же ты вовек благословенно,
Что пришло процвеств и умереть.

К нему «пришло» одухотворение, редчайший дар жизни, сознание, позволившее осмыслить ее движение, разнообразие и единство, составляющие основу вечности.

Музыкальность стихотворения создается фоническими средствами художественной выразительности. Обрамление составляет ассонансный звук «у» (в первой и последней строчках стихотворения):

Не жалею, не зову, не плачу...
...
Что пришло процвеств и умереть.

Между двумя этими минорными аккордами развивается несколько музыкальных тем, начало которым положено в первой строчке. Одна из них построена на стыках гласных и полугласного:

Не жалею...
Все пройдет...
Увяданья...
...
О моя утраченная свежесть...

...

Я теперь скупее стал в желаньях...
Словно я весенней гулкой ранью...

Благодаря словам, выделенным этими ассонансами, тема получает окраску нежной лирической жалобы, как бы споря с начальным смысловым утверждением («Не жалею...»). Мелодия, с которой она перекликается, построена на звуковых повторах гласных и сонорных в разных вариациях:

... не плачу...
... с белых яблонь...
... золотом охваченный...
... молодым...

В последующих строфах в нее включаются слова «холодком», «Не заманит», «Расшевеливаешь пламень», «половодье», «приснилась», «тленны», «благословенно» и целая строчка:

Тихо льется с кленов листьев медь...

В этой мелодии слышны размышление, внутренний спор (пламень — холодок, «молодым» — «тленны» и т. д.). Она более динамична, благодаря обилию глаголов, и красочна: в ней богатая звуковая палитра (плач, «пламень уст», «гулкая рань», шуршание листвы), дополненная деталями цветовой изобразительности («белые яблони», золото, пламень, медь).

Важную роль в своеобразии мелодики стихотворения играет интонационное многообразие — сочетание отрицаний и обобщений, смена обращений, вопросов, сравнений, восклицаний. Переплетение фонических и эмфатических художественных средств придает есенинскому пятистопному хорею напевность, выражая внутреннее движение чувств и мыслей лирического героя, завершающееся последним примиряющим аккордом.